

© 2018 г.

Г.А. ШАТОХИНА-МОРДВИНЦЕВА

ИНТЕРНИРОВАННЫЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ И БЕЛЬГИЙСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В НЕЙТРАЛЬНЫХ НИДЕРЛАНДАХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Шатохина-Мордвинцева Галина Алексеевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

С конца XIX в., когда борьба за передел мира вступила в завершающую стадию, формировались новые политические союзы и усиливалось противостояние Антанты и австро-германского блока, Королевство Нидерландов не присоединилось ни к одной из сторон. Линия его внешней политики оставалась неизменной: эта малая европейская страна с большой колониальной империей придерживалась ставшего уже традиционным нейтрального внешнеполитического курса. Но Нидерланды не находились на периферии мировой политики — наоборот, отдавая приоритет повышению роли международного права, они начали активно участвовать во многих европейских конгрессах и конференциях, заняли одну из ведущих позиций в международно-правовой сфере и постепенно стали центром международного арбитража. На рубеже столетий в тревожной международной обстановке Нидерланды сумели обеспечить проведение в Гааге в 1899 г. Первой конференции мира¹, а в 1907 г. — Второй конференции мира, созданных по инициативе России для разработки многосторонних соглашений в области законов и обычаев войны и формирования основ международного гуманитарного права.

Главным результатом Второй Гаагской конференции мира 1907 г. для Нидерландов как державы, придерживавшейся нейтрального внешнеполитического курса, стало то, что решениями конференции были кодифицированы правила нейтралитета, сложившиеся главным образом в виде обычаев, в практике войн XIX в. Это было отражено в двух принятых 18 октября 1907 г. конвенциях: в V — «О правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны» и в XIII — «О правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны». Одно из важных мест в положениях этих конвенций отводилось обязанностям нейтрального государства по отношению к войскам воюющих сторон, оказавшихся на нейтральной территории². Нидерландам в период войны удалось сохранить, хотя и с большим трудом, статус нейтральной державы. С первых же дней Гаага следовала положениям указанных конвенций, и действия Нидерландов стали фактически первым опытом, своеобразной апробацией в условиях военного времени этих важных международных документов. В статье впервые в отечественной историографии затрагивается тема приема Нидерландами интернированных военнослужащих, а также бельгийских беженцев в годы Первой мировой войны.

¹ См.: Конвенции и декларации, подписанные на Конференции мира в Гааге 17 (29) июля 1899 г. СПб., 1900; *Рыбачёнок И. С.* Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005.

² Вторая конференция мира 1907 г. СПб., 1908.

ИНТЕРНИРОВАННЫЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ

Небольшие группы иностранных (бельгийских) военнослужащих оказались на территории Нидерландов сразу же после нападения Германии на Бельгию 4 августа 1914 г.³ и, согласно Статьям 11, 12 и 13 Конвенции V и Статье 24 Конвенции XIII, должны были быть интернированы. Интернирование нескольких десятков человек не составило труда: все они были разоружены, снабжены продовольствием, одеждой, для них был установлен режим, исключавший возможность покинуть территорию Нидерландов. Но к началу сентября речь шла уже о тысячах человек. А когда германская армия с 28 сентября 1914 г. начала штурм Антверпена⁴, подразделения бельгийской армии, продвигаясь на север в беспорядочном отступлении и пытаясь избежать плена, вошли в нидерландскую область Зеувс-Вландерен в провинции Зеландия. В итоге на территории Нидерландов оказалось ок. 40 тыс. бельгийских солдат. Воспользовавшись царившим в тот момент хаосом, ок. 7 тысячам из них под видом гражданских лиц удалось с целью дальнейшего возвращения на фронт отбыть в Англию через порт Флиссингена. Разоружены и интернированы нидерландцами были более 33 тыс. бельгийских солдат, 6 генералов и 400 офицеров. Наряду с бельгийскими военными были интернированы и оказавшиеся в Нидерландах в ходе отступления ок. 1500 английских военнослужащих ВМФ из Первой королевской морской бригады, которая сражалась вместе с бельгийцами под Антверпеном. Появились в Нидерландах и сотни немцев-дезертиров⁵.

На основании положений Гаагских конвенций 1907 г. интернируемые имели право на гуманное обращение, уважение их личности, чести, семейных прав, религиозных и национальных традиций. Им оказывалась необходимая медицинская помощь, предоставлялась возможность сообщить семье о месте своего пребывания, они могли получать корреспонденцию и посылки с одеждой, едой, медицинскими препаратами, предметами религиозного назначения. Но сначала их нужно было где-то разместить.

Размещение первых групп бельгийских солдат службами министерства обороны Нидерландов началось в августе 1914 г. в пустовавших в тот момент казармах Алкмара в провинции Северная Голландия. В октябре под размещение бельгийских военных отвели казармы в Амерсфорте в провинции Утрехт и Хардервейке в провинции Гелдерланд. Уже в середине октября в Амерсфорте находились ок. 16 тыс. чел. на площади, предназначенной для 4 тыс., поэтому рядом был разбит палаточный лагерь с 900 палатками. В двух километрах от Хардервейка, принявшего в общей сложности 13 тыс. чел., также разбили палаточный лагерь⁶.

Интернированных лиц отправляли в казармы Гронингена (провинция Гронинген) и Олдебука в провинции Гелдерланд. Более 7 тысяч были размещены также в Леувардене в провинции Фрисландия, в Ассене в провинции Дренте, в Лосдэйне в Южной Голландии и в городах Оверэйссела Кампене и Зволле. Под размещение интернированных помимо казарм и разбитых в срочном порядке палаточных лагерей в первые недели использовались и другие помещения — госпитали, пансионы, церковные приходы. В случае занятия гражданских помещений, например, церковного прихода или частного дома, нидерландское государство принимало на себя все хлопоты по снабжению интернированных одеждой и едой (из расчета 60 центов в день

³ См. о ситуации в Бельгии в начале войны: *Хорошева А.О.* Внешняя политика Бельгии накануне и во время Первой мировой войны. М., 2007.

⁴ Там же, с. 157–161.

⁵ См.: *Getuigenissen van «de andere oorlog».* Opwijk-Mazenzele (en omstreken) 1914–1918. Opwijk, 2004, p. 314; *Abbenhuis M.M.* Als de oorlog aan de deur klopt: de aantrekkelijkheden, gevaren en mogelijkheden van neutraliteit aan de grenzen van Nederland, 1914–1918. — *Wankel evenwicht: neutraal Nederland en de Eerste Wereldoorlog.* Soesterberg, 2007, p. 38.

⁶ *Getuigenissen van «de andere oorlog»...*, p. 314–315.

на солдата), а приход (или хозяин дома) получал возмещение в размере 10 центов (т.е. одной десятой флорина (гульдена) с человека за ночевку.

В целом ситуация складывалась критически. Интернированные, отправленные в 8 из 11 провинций страны, были размещены на всех имевшихся на тот момент в распоряжении министерства обороны свободных местах (Нидерланды, следуя Статье 11 Конвенции V, не размещали интернированных вблизи театра войны, т.е. в граничивших с Бельгией провинциях Лимбург, Северный Брабант и Зеландия). Мы не должны забывать и о том, что одновременно с резким увеличением числа военнослужащих национальной армии, после объявленной мобилизации находившихся на казарменном положении, и десятками тысяч интернированных, Нидерланды приняли в октябре 1914 г. еще и сотни тысяч бельгийских беженцев.

Переполненные казармы и накалявшаяся в них из-за плохих бытовых условий обстановка заставили министра обороны Нидерландов Н. Босбоома во второй половине октября издать приказ о начале строительства новых пунктов размещения для бельгийских солдат.

Первый и самый большой – «Лагерь для интернированных Амерсфорт – воинское размещение у Зейста» (сокращенно – «Лагерь Зейст») – был построен под Амерсфортом у деревни Сустерберг на принадлежавшей министерству обороны территории. Первую его очередь открыли уже 3 ноября 1914 г., вскоре был готов второй лагерь. На площади в 25 га, разделенной широкой полосой (где позже построили спортивные площадки), размещались «Лагерь 1» и «Лагерь 2» с 24 деревянными бараками в каждом. Барак был рассчитан на проживание 250 человек. Максимально «Лагерь Зейст» мог принять от 12 до 15 тысяч интернированных. Как и все подобные лагеря, его окружал забор из колючей проволоки, он находился под усиленной охраной. В первые недели условия размещения были плохими: казармы не отапливались, появились крысы. Справиться с ними удалось после того, как по приказу администрации за каждого убитого грызуна стали выплачивать вознаграждение в 2,5 цента, что было существенной прибавкой к 10 центам, которые полагались в день каждому интернированному. 3 декабря 1914 г. в «Лагере Зейст» вспыхнул бунт, 8 человек погибли, 18 были ранены. После этого министерство обороны срочно начало проводить проверку и реорганизацию лагерей, установление в них более гуманного режима⁷.

Строительство деревянных бараков, заменивших временный палаточный лагерь, началось в декабре 1914 г. в Хардервейке⁸. В результате, на площади в 32 га возвели 50 бараков, которые могли принять от 12 до 15 тыс. чел.⁹ В это же время реконструируется и лагерь в Олденбруке, где в 17 бараках (два из них для унтер-офицеров) пребывали 3511 человек, в том числе 4 офицера и 2 капеллана.

Высшие офицерские чины бельгийской армии были размещены в пансионатах и гостиницах; они пользовались определенной свободой передвижения и имели возможность воссоединиться с семьями.

Постепенно лагеря для интернированных (и не только такие большие как в Зейсте и Хардервейке) были обустроены наподобие небольших поселков, где помимо жизненно необходимых помещений (столовых, лазаретов, бань, прачечных, пошивочных мастерских, спортивных сооружений) существовали школы, магазины, библиотеки, церкви, почтовые отделения и даже, как в Олденбруке, музыкальные и танцевальные площадки.

В Зейсте, Хардервейке, Олденбруке находились только бельгийцы. Как уже упоминалось раньше, среди интернированных оказались и английские военнослужащие. Сначала они были размещены в казармах Леувардена и Гронингена, но уже в середине января 1915 г. эти группы были объединены, и все 1500 человек размещены

⁷ Ibid., p. 315–316.

⁸ О лагере в Хардервейке см. подробнее: *Reijngoudt A. Gehalveerde mensen: het Belgenkamp in Harderwijk 1914–1918.* Barneveld, 2004.

⁹ *Getuigenissen van «de andere oorlog»...*, p. 315.

в построенном для этой цели в Гронингене барачном лагере, который так и назывался «Английский лагерь». Условия содержания в нем были лучше, нежели в остальных, лагерь считался, если можно так сказать, «достаточно благоустроенным»¹⁰.

Бежавших с фронта немецких солдат сначала разместили в Алкмаре с первыми группами бельгийских интернированных, но из-за регулярно возникавших между ними и бельгийскими солдатами конфликтов вскоре они были переведены в специально созданный неподалёку «Лагерь Берген». На начало 1915 г. там находились 3 офицера, 122 солдата, в том числе множество дезертиров. Это порождало много проблем, неоднократно случались драки. В мае 1916 г. после ряда необходимых проверок группу дезертиров (32 человека) освободили. В 1917 г. число немецких дезертиров, бежавших в Нидерланды, постоянно росло, поэтому помимо «Лагеря Берген» был создан для них отдельный лагерь¹¹.

С целью изолировать интернированных лиц, постоянно нарушавших дисциплину, их отправили в штрафную роту, располагавшуюся с марта 1915 г. в здании бывшей гауптвахты во Флиссенгине.

Увеличение числа интернированных в период войны шло в основном за счет экипажей судов и подводных лодок, оказавшихся в нидерландских водах, а иногда и экипажей самолетов, приземлившихся на территории Нидерландов. Так, интернировали после нарушения обещания не совершать побег английских морских офицеров, размещенных затем в форте Вирикерсханс в Бодегравене в Южной Голландии, а бельгийские и французские военнослужащие, воздушное судно которых нарушило границы Нидерландов, были интернированы на острове Урк.

Многие семьи бельгийских военных во время отступления армии последовали за ними в Нидерланды. Сначала они снимали жилье в населенных пунктах, расположенных поблизости от лагеря, где находились главы их семей. Но это привело к резкому повышению арендной платы в городах и опасениям, что многие бельгийские женщины и дети окажутся и без жилья, и без источника доходов. Учитывая интересы интернированных семейных военных, нидерландское правительство приняло решение строить у лагерей так называемые «женские деревни» и размещать там членов их семей. В итоге построили семь подобных поселений, что гарантировало семьям и определенную социальную поддержку, и возможность общения, а организованные там пошивочные мастерские обеспечивали женщин работой и деньгами¹².

Одной из таких «женских деревень» стало поселение Мундорп, расположенное в непосредственной близости от лагеря Олдебрук. Деньги на его строительство (сумма составила в общей сложности 42866 флоринов), как и на строительство всех «женских деревень», выделило нидерландское государство, а интернированные солдаты сами выполнили все строительные работы. Земля под застройкой являлась государственной собственностью и не могла быть выкуплена или сдана в аренду. Мундорп функционировало на принципах самоуправления. На территории поселения было 5 барачков, каждый по 20 комнат, 4 индивидуальных домика и склад угля. Электричество подвели из лагеря Олдебрук. Из расположенного рядом Артиллерийского училища обеспечили подачу воды, банный комплекс и больница училища были доступны для жителей деревни. В 6 зданиях на территории лагеря располагалась школа.

После расформирования летом 1916 г. лагеря Олдебрук, интернированные были отправлены в Хардейвейк, куда с их помощью перевезли и весь комплекс построек Мундорпа. В Хардервейке дома из Мундорпа были заново возведены, став частью

¹⁰ Об «Английском лагере» см. подробнее: *Wielinga M.* Het Engelse kamp in Croningen 1914–1918. De geschiedenis van 1500 Engelse militairen tijdens de Eerste Wereldoorlog. Bedum, 2014.

¹¹ *Abbenhuis M. M.* Op. cit., p. 58; На странице сайта амстердамского Международного института социальной истории (МИСИ) указано, что в марте 1917 г. в Нидерландах было официально зарегистрировано 3 тысячи немецких дезертиров, но вместе с незаконно пребывавшими в стране их было в десятки раз больше. См.: <https://socialhistory.org/en/node/4619>

¹² *Getuigenissen van «de andere oorlog»...*, p. 315, 321.

существовавшей там «женской деревни» Хейдекамп, увеличившейся таким образом на 200 семей.

Жизнь интернированных лиц в лагерях шла строго по расписанию, они находились под постоянным контролем. Вот пример распорядка дня в «Английском лагере»: в 6.30 подъем; до 7.30 время на гигиенические процедуры и завтрак; в 8.45 утренняя поверка, распределение ежедневных работ по лагерю и их выполнение; в 12.30 горячий обед; с 13.30 дежурные наряды занимались общественной работой, остальные – индивидуальными занятиями, учебой или спортом. В это же время регулярно организовывались и групповые походы в кино. В 16.30 был чай, а потом те, кто имел желание и возможность, могли погулять в Гронингене, а оставшиеся в лагере отдыхали в его пределах. С 22.00 все должны были находиться в лагере и явиться на вечернюю поверку. По воскресеньям никаких обязательных работ не было, интернированные могли посещать богослужения¹³.

Очень быстро стало понятно, что скука – главный враг лагерной жизни. Люди уставали от однообразия общения и занятий. Поэтому в лагерях появились библиотеки, стали издаваться иллюстрированные газеты и журналы (на французском и нидерландском языках), в которых печатались не только заметки о жизни лагеря, но и образцы литературного творчества (рассказы, стихи) интернированных. Устраивались различные кружки, дававшие новые знания и навыки какой-то профессии. Так, в «Английском лагере» появились курсы иностранных языков, основ навигации, бухгалтерии и др. Сначала интерес к ним не был велик, интернированные предпочитали заниматься спортом – футболом, теннисом, крикетом¹⁴. Но когда с 1916 г. появилась возможность официально сдать экзамены, которые принимали прибывшие по этому случаю из Англии наставники, и получить определенный документ, интерес к обучению возрос.

Но спортивных занятий и кружков не всегда было достаточно, поэтому в «Английском лагере» организовали и различные виды оплачиваемых работ. Интернированным предлагали работу плотников, медработников, писарей, поваров и т.д. Эти предложения были востребованы, так как оплата за выполнение таких работ иногда в несколько раз превышала ежедневное пособие в 10 центов, на которое каждый интернированный имел законное право и получал раз в 10 дней общую сумму – 1 флорин¹⁵. Эта сумма была эквивалентна минимальной зарплате солдата-призывника в голландской армии. Вознаграждение же за дополнительные работы варьировалось от 10 до 50 центов в день¹⁶.

Но некоторые предпочитали изготовить на продажу что-то своими руками: например, более 80 человек в лагере делали коробочки для украшений и рамки для фотографий, которые затем отправляли в Англию, где они продавались в знаменитом универсаме «Селфриджес»; 50 человек объединились в «клуб вязания», продукция которого (свитера и носки) предназначалась для английского флота. На полученные деньги интернированные приобретали предметы для занятий спортом и участия в спортивных соревнованиях с нидерландскими городскими командами, занятий музыкой и танцами (англичане слыли лучшими танцорами в Гронингене), работы драмкружка и подготовки выступлений кабаре-шоу («Timbertown Follies»), с которыми

¹³ См.: «Verveling grootste vijand van de geïnterneerde Engelsen» на сайте М. Вилинги «Het Engelse Kamp in Groningen 1914–1918 (deel 5)». <http://www.wereldoorlog1418.nl/engelsekamp/engelsekamp-deel-05.html>

¹⁴ См. о занятиях спортом и соревнованиях, в которых участвовала команда лагеря в издававшемся в «Английском лагере» журнале: The Camp Magaziine. Groningen, Holland, № 15, 2016, June, p. 14–20.

¹⁵ Van Der Aa D. Onze Geïnterneerden in Holland. – Onze Helden gesneuveld voor het Vaderland. Brussel, 1931, p. 271.

¹⁶ Verveling grootste vijand...

англичане выступали во многих населенных пунктах Нидерландов, а сбор средств от этих выступлений шел на благотворительность¹⁷.

«Занятия по интересам» были и в лагерях бельгийских интернированных, но их лагеря были и по численности, и по территории куда больше «Английского», поэтому значительную часть свободного времени бельгийцы использовали на улучшение бытовых условий лагеря (например, озеленение, разбивку огородов, клумб и уход за ними), хозяйственной помощи «женским деревням», организации процесса школьного обучения детей¹⁸.

С апреля 1915 г. интернированные военнослужащие получали разрешение на работу за пределами лагеря. В Нидерландах ощущался дефицит рабочей силы, так как в результате мобилизации большинство голландских мужчин в возрасте от 20 до 30 лет находились в казармах (в течение всего периода войны Нидерланды вынуждены были держать под ружьем армию, численность которой достигла 450 тыс.чел.). Но Центральная биржа труда предоставляла интернированным рабочие места только в том случае, если на них не претендовали голландцы. Привлеченные к добровольной работе на голландских предприятиях так называемой «группы интернированных» находились под руководством голландских офицеров и проживали недалеко от места их работы. Трудились они в шахтах Южного Лимбурга, в порту Роттердама, на различных заводах и фабриках, в малых частных предприятиях и фирмах, на сборе урожая, торфоразработках. Для оплаты труда была разработана специальная схема: большая часть заработанных денег помещалась на сберегательный счет, где хранилась до конца срока интернирования¹⁹.

По данным на 1 сентября 1918 г. 46,2% от общего числа интернированных трудились в составе «групп интернированных» и в качестве нанятых лиц²⁰. Из-за того, что почти половина интернированных военнослужащих были привлечены к различным работам, лагеря пустели и постепенно реорганизовывались. Уже с середины 1917 г. использовалось только 4 лагеря: бельгийцы находились в Зейсте и Хардервейке, в Гронингене англичане, немцы в Бергене.

Общие данные о числе интернированных Нидерландами военнослужащих за годы Первой мировой войны следующие: 33105 бельгийцев (в том числе 406 офицеров), 1751 англичанин (из них 139 офицеров); 1461 немец (из них 68 офицеров), а также 8 французов (из них 5 офицеров) и 4 американских офицера, оказавшиеся в самолетах, приземлившихся на территории Нидерландов. К этому следует добавить и 6640 семей бельгийских интернированных военнослужащих, находившихся (по данным на май 1918 г.) в «женских деревнях», и также содержавшихся за счет нидерландского государства²¹.

БЕЛЬГИЙСКИЕ БЕЖЕНЦЫ

Важную роль сыграли Нидерланды в годы Первой мировой войны и в решении вопроса приема беженцев, исход которых никогда до 1914 г. не имел столь массового характера, а ведущие державы мира впервые столкнулись с масштабными проблемами соблюдения международных законов, касающихся беженства.

С первых дней войны нейтральные Нидерланды открыли свои границы для беженцев из близлежащих стран, но основной поток шел из Бельгии. Уже с 20-х чисел августа 1914 г. в Маастрихте и в провинции Лимбург появились первые сотни бельгийских беженцев, которым сразу же была оказана помощь²². Их прием, размещение и пита-

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ *Van Der Aa D.* Op. cit., p. 270.

¹⁹ Ibid., p. 270–271.

²⁰ *Getuigenissen van «de andere oorlog»...*, p. 316.

²¹ Ibid., p. 315, 318.

²² *Heuvel-Strasser E.A. van den. Vluchtelingen- en vreemdelingenbeleid. De Nederlandse overheid en de Belgische vluchtelingen, 1914–1915 – Tijdschrift voor Geschiedenis.* 1986. Aflevering 2, p. 186.

ние вызвали немалые организационные трудности. Однако нахождение в приграничных населенных пунктах такого числа иностранных граждан не только создавало хаос, оно еще и порождало вполне оправданное опасение усиления в обществе антигерманских настроений, а также то, что стране не удастся при создавшемся положении сохранить нейтралитет²³. Правительство Нидерландов совместно с министерством обороны разработало список мер для разрешения ситуации. Территории вдоль южной границы были переведены на военное положение, во многих приграничных районах с 29 августа введен режим осадного положения²⁴.

Первые недели обустройством бельгийских беженцев занимались в основном местные инициативные группы: в нидерландских провинциях создавались различные благотворительные организации, общества и комиссии по сбору денежных средств и одежды для беженцев, их размещения (как в частном жилье, так и в пустующих помещениях) и питания. Но с увеличением потока беженцев возникла необходимость создать общенидерландскую организацию. В конце августа был сформирован Нидерландский Комитет по поддержке бельгийских и других жертв войны, или как его сокращенно называли Амстердамский Комитет. Амстердамский комитет координировал действия всех существовавших (большая их часть находилась в южных провинциях) инициативных групп поддержки беженцев, аккумулировал собранные ими добровольные пожертвования и уже целенаправленно распределял нуждающимся денежные средства, продукты и одежду. С 25 сентября начала свою работу и так называемая Центральная комиссия, важнейшей задачей которой осенью—зимой 1914 г. стала работа по составлению списков беженцев, оказавшихся в разных уголках страны, их регистрация, воссоединение семей и установление контактов с родственниками за границей²⁵.

Нидерландское правительство, опасаясь беспорядков и антинемецких выступлений, всё больше склонялось к тому, что размещение беженцев, ранее фактически отданное на откуп частным лицам, следует брать на государственный контроль, а главное — лучше собрать их в охраняемые центры. В сентябре беженцев уже стали размещать в пустующих армейских помещениях (например, 850 человек — в казармах лагеря в Олдебруке в провинции Гелдерланд, контингент которого отправили на усиление погранотрядов) и в более удаленных от нидерландско-бельгийской границы районах. Однако, надеясь на скорое возвращение на родину, многие беженцы не соглашались туда перебираться. Чтобы подвигнуть бельгийцев на это перемещение, власти областей вынуждены были пригрозить им в случае несогласия принудительно отправить их обратно в Бельгию²⁶.

Когда в последних числах сентября 1914 г. германская армия начала штурм Антверпена, население города и примыкающих к нему территорий стало уходить на север в Нидерланды. Германская армия всячески пыталась препятствовать этому²⁷, было много погибших, однако людской поток остановить не удалось. Он следовал

²³ В своем донесении из Гааги от 18/31 августа 1914 г. российский посланник А.Н. Свечин писал следующее: «Нейтралитет соблюдается строго. Некоторые газеты французские пытаются обвинить Голландию в пристрастных попушениях в пользу Германии на почве снабжения провиантом, но это не так... В Маастрихте и в провинции Лимбург оказывают помощь беженцам из Бельгии, а некоторые войсковые части пришлось отодвинуть от границы вследствие их антинемецкого рвения» (АВПРИ, ф. 133. Канцелярия МИД, оп. 470. 1914 г., д. 25. Телеграммы из Гааги в МИД, л. 13).

²⁴ С февраля 1915 г. эти зоны были значительно расширены. См. карту: *Smit C. Nederland in de Eerste Wereldoorlog (1899–1919)*. Dl. 2. Groningen, 1972, p. 94–95.

²⁵ *Heuvel-Strasser E.A. van den*. Op. cit., p. 187–188.

²⁶ На основании статьи 12 «Закона об иностранцах 1849 г.» из страны могли быть высланы любые «нежелательные» иностранцы (*Heuvel-Strasser E.A. van den*. Op. cit., p. 187).

²⁷ В 1915 г. с этой целью вдоль бельгийско-нидерландской границы (от Валса в Лимбурге до устья Шельды) были возведены защитные сооружения — 200-километровая стена колючей проволоки два метра высотой под электрическим напряжением в 2000 вольт (см. *Abbenhuis M.M.* Op. cit., p. 36–37).

в направлении Эссена — ближайшей станции, откуда шли поезда в Нидерланды. По железной дороге основная масса бельгийцев (в основном это были фламандцы, близкие по языку и культуре к голландцам) прибывала в Нидерланды через населенный пункт Росендал (провинция Северный Брабант), где находилась первая после границы большая железнодорожная станция²⁸. Те, кто шли пешком или передвигались на повозках, следовали через Берген-оп-зом. 8 октября непрерывный ряд транспортных средств растянулся на более чем 30 км от Антверпена до нидерландской пограничной деревушки Пютте (провинция Северный Брабант). После падения Антверпена 10 октября сотни тысяч бельгийских беженцев в течение нескольких дней оказались в Нидерландах²⁹. К концу месяца их число достигло 1 млн чел., среди них были представители всех слоев населения и всех возрастных групп³⁰. Под размещение бельгийских беженцев уже использовали все свободные на тот момент помещения, церкви и школы, но этого было недостаточно, и люди располагались прямо на улицах. К оказанию помощи привлекли армию, и это касалось не только размещения и питания. Именно военные медики сыграли важную роль в медицинской помощи и вакцинации беженцев, предотвратив, таким образом, вспышки эпидемий и массовых заболеваний, как среди гражданского населения, так и в армейских частях, пребывавших в боевой готовности на южной границе страны. Премьер-министр Нидерландов (в 1913—1918 гг.) П.В.А. Корт ван дер Линден определил как одну из приоритетных задач правительства как можно скорее вывезти большую часть беженцев из южных пограничных с Бельгией районов и разместить их по всей стране. 11 октября 1914 г. правительственным комиссаром по делам бельгийских беженцев был назначен член нижней палаты Генеральных штатов от Всеобщего союза римско-католических объединений избирателей Шарль Рёйс де Беренбрук³¹. Правительственный комиссар отвечал за размещение беженцев, до июня 1915 г. его представительство находилось в ратуше Росендала.

В считанные дни население Нидерландов увеличилось с 6,2 до 7,2 млн (примерно на 15%), а в приграничных пунктах даже в несколько раз и превысило численность местных жителей. Например, в Пютте оно увеличилось с 1298 до 4 тыс. чел., в Берген-оп-зومه, с 15 528 до 50 тыс. чел.; в Росендале с 16 716 также до 50 тыс., а вот в зelandском Хюлсте, где проживало всего-то 3500 человек, оказалось 30 тыс. беженцев³². Сохранились документальные кадры этих событий, демонстрирующие голландское гостеприимство. Они запечатлены на многочисленных фотографиях и в кинохронике, до наших дней дошли также плакаты и листовки с призывами к нидерландцам оказывать помощь беженцам³³.

С начала ноября правительство изыскивало новые возможности размещения бельгийцев: в Росендале 1600 беженцев разместили на сахарном заводе «Ява», в Барле-Нассау в здании вокзала, в Амстердаме в ангарах на набережной бухты Эй, в Схевенингене в цирке, в Олденбруке в казармах Артиллерийского училища (в декабре 1914 г. уступил место лагерю для интернированных бельгийских солдат). Были разбиты временные

²⁸ *Dunk H.W. von der. Nederland ten tijde van de eerste wereldoorlog — Algemene Geschiedenis der Nederlanden. Dl. 14. Haarlem, 1980, p. 48.*

²⁹ Из телеграммы российского посланника А.Н. Свечина из Гааги в МИД от 2/15 октября 1914 г.: «Антинемецкое настроение в широких слоях нации и в армии возрастает. Бельгийским беженцам (коих насчитывается в Голландии 280 тыс.) оказывается щедрое и всенародное гостеприимство» (АВПРИ, ф. 133. Канцелярия МИД, оп. 470. 1914 г., д. 25. Телеграммы из Гааги в МИД, л. 35).

³⁰ *Dunk H.W. von der. Op. cit. P. 46; Abbenhuis M.M. Op. cit., p. 36.*

³¹ Рёйс де Беренбрук исполнял эти обязанности до 16 мая 1918 г. В сентябре 1918 г. он сменил П.В.А. Корт ван дер Линдена на посту премьер-министра Нидерландов.

³² *Heuvel-Strasser E.A. van den. Op. cit., p. 190; Klaaijestein M. De grootste vluchtelingenopvang uit de Nederlandse geschiedenis. — Thema Tijdschrift, 2014, № 1, p. 31.*

³³ См. также монографии: *Mamet L. La chute d'Anvers et l'internement des soldats belges en Hollande. Brugge, 1934; Vluchten voor de Groote Oorlog: Belgen in Nederland 1914—1918. Amsterdam, 1988; Roodt E. de. Oorlogsgasten. Vluchtelingen en krijgsgevangenen in Nederland tijdens de Eerste Wereldoorlog. Zaltbommel, 2000; Amara M., Chielens P. Vluchten voor de oorlog: Belgische vluchtelingen 1914—1918. Leuven, 2004.*

палаточные лагеря: два в Берген-оп-зоне; один, разместивший в палатках и казармах около 4 тыс. человек в Хонтениссе в Зеувс-Вландерен в провинции Зеландия (расформирован в мае 1915 г. и беженцы перенаправлены в лагерь в Удене); до июня 1915 г. существовал приютивший ок. 1500 беженцев временный лагерь в Венхёйзене в провинции Дренте (отсюда беженцев перевели в Нюнспет), а до мая 1915 г. — палаточный лагерь под названием «Загляни в котел» в Тилбурге.

Нидерландское правительство не вмешивалось в проходившие 12–17 октября 1914 г. между бельгийцами и германскими оккупационными властями переговоры по вопросу возвращения в страну гражданского населения. В то же время нидерландцы старались использовать любую возможность, чтобы отправить бельгийцев обратно. Применялось «мягкое принуждение» или «мягкая пропагандистская сила»: чтобы подвигнуть бельгийцев на возвращение на родину в нидерландских газетах публиковали обращения бургомистра Антверпена к бельгийцам, призывавшие их вернуться и содержавшие подробные разъяснения финансовых вопросов, связанных с возвращением, а также прав различных категорий граждан при новом германском режиме³⁴. Не столько в результате этой кампании, сколько в силу сложившихся обстоятельств, но основной части бельгийских беженцев всё же удалось вернуться на родину. Сыграло свою роль и дихотомическое деление бельгийских беженцев в процессе регистрации на бедных/недостойных и богатых/достойных. Не очень оправданный на практике, именно такой подход нидерландской стороны в первые месяцы войны многим из них четко показал и дальнейшую перспективу пребывания в стране, и возможность выбора (оказаться в нидерландском лагере для беженцев, самостоятельно пережить военное лихолетье в Нидерландах, вернуться в Бельгию или попытаться счастья в Англии). В ноябре 1914 г. в Нидерландах находились еще 323600 бельгийских беженцев, а в декабре уже 200 тыс. В последующие месяцы из-за того, что многие из них возвращались обратно в Нидерланды, количество беженцев часто менялось, но в мае 1915 г. цифра остановилась на отметке ок. 105 тыс. и до конца войны уже оставалась более или менее постоянной³⁵. Это были те бельгийцы, кому некуда или не на что было возвращаться, а также те, кто уже не мог сам о себе позаботиться³⁶.

При размещении беженцам старались дать возможность найти тот тип жилья, который наиболее подходил социальному статусу каждого из них: улучшенное — для занимавших более высокое социальное положение, обычное — для рядовых граждан³⁷. Состоятельным бельгийцам, а также малообеспеченным беженцам «благородного происхождения» (их называли «молчаливые бедные» или «стыдливые бедные»), которые не определялись в лагеря, было дано разрешение обосноваться по своему усмотрению. Как правило, состоятельные бельгийцы арендовали где-нибудь дом или жили в приличной гостинице, «стыдливые бедные» определялись на постой в нидерландскую семью или в недорогой пансион. Последним нидерландское государство выплачивало суточное пособие в 35 центов взрослому и 20 ребенку, но в некоторых муниципалитетах от этой нормы отступали, и размер пособия увеличивали — 70 центов взрослому и 50 ребенку³⁸.

Неимущие бельгийцы на период войны были размещены в так называемых «убежищах для беженцев», к строительству которых нидерландскому правительству пришлось приступить уже в ноябре 1914 г. Из-за некоторой негативной коннотации, сопутствующей слову «лагерь», оно не использовалось в официальных названиях этих

³⁴ *Heuvel-Strasser E.A. van den*. Op. cit., p. 192–193.

³⁵ *Ibid.*, p. 195; *Dunk H.W. von der*. Op. cit., p. 47.

³⁶ Находились в Нидерландах в период войны и беженцы из других стран, но их число было незначительным. Например, максимальное число российских беженцев (2,5 тыс. человек) отмечалось в середине 1917 г. Чтобы избежать их интернирования, российская дипмиссия оплачивала их расселение по маленьким гостиницам. АВПРИ. 1916 г., д. 17; 1917 г., д. 19.

³⁷ *Mak G. De eeuw van mijn vader*. Amsterdam, 1999, p. 56.

³⁸ *Klaaijestein M.* Op. cit. p. 33.

учреждений. Места размещения беженцев именовали «убежище для беженцев» или «государственное убежище для беженцев». Но в разговорной речи всё же звучало слово «лагерь», а чаще — «бельгийские деревни». Для многих бельгийцев, потерявших дом, они стали настоящим убежищем, позволившим пережить тяжелые годы войны.

Для создания этих контролируемых и охраняемых поселений для гражданского бельгийского населения были выбраны места в Нюнспете, Гауде, Эде и в Удене. Все лагеря находились под надзором нидерландского правительства (конкретно — правительственного комиссара по делам бельгийских беженцев, подотчетного министру внутренних дел), финансировались из казны, и бельгийцы проживали там в общем неплохих для военного времени условиях. Обустроены эти лагеря были в целом одинаково: каждый состоял из бараков (разделенных на спальни и места для отдыха), столовых, кухни, прачечных и душевых помещений, санчасти и больничных палат, а также существующих в любом поселении объектов — церкви (большинство бельгийских беженцев были католиками), школы, детского сада и яслей, почты, магазинов и т.д. Но были в каждом «убежище для беженцев» и свои особенности, как в системе управления и функционирования, так и в уровне его благоустройства. Главным образом, это было связано с социальным статусом беженцев.

Центральная комиссия, проводившая все процедуры по регистрации беженцев, подразделяла бедных беженцев (определявшихся, в итоге, на поселение в лагерях) на три категории: А) опасные или нежелательные элементы; Б) менее желательные элементы; В) достойные нуждающиеся. Но отчасти оправданное стремление нидерландских властей сформировать из поселенцев более однородные коллективы, привело к тому, что максимальная вместимость строившихся «убежищ для беженцев» так и не была использована в полной мере. Хотя со временем границы между этими категориями всё более размывались, а беженцы перемещались между лагерями.

Строительство первого стационарного лагеря для бельгийских беженцев началось в ноябре 1914 г. на вересковой пустоши к востоку от Нюнспета, в то время небольшого населенного пункта (в 1909 г. 3104 жителей) в провинции Гелдерланд. Лагерь открылся уже в конце ноября 1914 г.³⁹ Он был поделен на четыре «деревни» в общей сложности с 70 бараками (как правило, помимо номера, бараки еще имели и различные названия) и охватил площадь в 15 гектаров. Территория была огорожена и вход контролировался. Лагерь был построен из расчета проживания в нем 13 тыс. чел., но максимальным оказалось число в 6529 человек (что, однако, почти в два раза превышало тогдашнюю численность населения Нюнспета). В основном в этом лагере были размещены антверпенцы из низших социальных слоев, состояние здоровья многих поселенцев оставляло желать лучшего, а в 1915 г. эпидемия унесла жизни 264 детей. В этот лагерь были отправлены и так называемые «проблемные» беженцы (лица категорий А и Б), размещены они были в отдельных бараках охраняемой зоны⁴⁰.

Что касалось снабжения лагерей для бельгийских беженцев продовольствием, то местные власти, ответственные за поставку продуктов, строго следовали всем инструкциям правительства и исходили в среднем из расходов в 35 центов на человека в день.

В течение дня мужчины в основном занимались строительно-ремонтными видами деятельности или какой-то канцелярско-административной работой, женщины организовано вели общее хозяйство и воспитание детей, помогали в санчасти и больничных палатах. На сохранившихся снимках запечатлены многочисленные помещения лагеря, на фоне которых сфотографированы группы проживавших в Нюнспете

³⁹ Ibid., p. 32; О лагере в Нюнспете см.: *Hendrickx-van der Avert M.L.C.* Het vluchtoord Nunspeet 1914–1918: analyse van het beleid en van de gevolgen van dit beleid voor de bewoners. Utrecht, 1986; *Bruin A. de.* «Prikkeldraad». Facetten van het Vluchtoord Nunspeet 1914–1918. Nunspeet, 1980.

⁴⁰ Например, в бараке с названием «Конго» жили так называемые «наказанные» (бывшие заключенные антверпенских тюрем), а барак «Ян Стеен» был отведен для женщин легкого поведения (*Klaaijestein M.* Op. cit., p. 34).

бельгийцев, их рабочие места, торжественные процессии по случаю больших церковных праздников, участие в самодеятельных театральных постановках и, конечно же, огороды и цветники, которыми жители лагеря могли по праву гордиться⁴¹.

В конце февраля 1919 г. лагерь Нюнспет прекратил существование, а чуть раньше местная газета так сообщала об этом: «Нюнспет. Стало известно о закрытии в этом месте Убежища для беженцев, и некоторое число оставшихся его жителей вскоре будут перевезены в Убежище для беженцев в Удене. В последние несколько недель уже было очень заметно, что большинство бельгийцев возвращаются к себе на родину. Как и в былые времена Нюнспет вновь будет тихой маленькой деревушкой в Велюве!»⁴².

Лагерь для беженцев в Гауде (провинция Южная Голландия) был открыт в декабре 1914 г. и предназначался для размещения приблизительно 2 тыс. чел.⁴³ Первые беженцы в Гауде появились еще в начале октября 1914 г., и, помимо устройства в частных домах, они временно нашли приют в помещениях различных местных общественных и церковных организаций. В течение октября количество беженцев в Гауде значительно увеличилось, и в конце месяца уже было зарегистрировано ок. 1500 человек. В срочном порядке под их размещение задействовали цветочные теплицы компании семьи Стеенсма⁴⁴ (в самой большой, размером 75 м × 20 м, организовали спальные места для 720 беженцев). Поскольку по вполне понятным причинам фирма, выращивавшая цветы, испытывала в военное время трудности с развитием своего производства, одно из местных обществ поддержки беженцев выступило с предложением построить на месте тепличного хозяйства лагерь для беженцев. Городской совет и правительство Нидерландов одобрили эту частную инициативу, выделив деньги на аренду территории хозяйства и теплиц⁴⁵. В газете «Гаудские куранты» от вторника 8 декабря 1914 г. в заметке «Комитет поддержки беженцев» официально сообщалось, что «Гауда вошла в число районов, где будет размещен государственный лагерь для беженцев», а в опубликованной на той же полосе статье, озаглавленной «Наша деревня для беженцев», подробно излагалось, где и как этот лагерь будет устроен⁴⁶.

Под строительство лагеря задействовали участок площадью ок. 5 га. Из шести расположенных на нем больших теплиц три были оборудованы под спальные помещения (мужские и женские), две (общей площадью 1680 кв.м) стали местом для отдыха, а одна — столовой. Из оставшихся трех небольших теплиц две переоборудовали под прачечные, одну превратили в подсобное помещение. Появились и новые деревянные постройки, в которых размещались больница, учебные классы для детей, различные мастерские, в том числе и швейная, магазин одежды, церковь, столовая и кухня. Лагерь в Гауде действовал на протяжении всей войны, но число беженцев постоянно менялось: кто-то перебирался в другой лагерь, а кто-то находил себе частное жилье; кому-то удалось отбыть в Англию, а кто-то вернулся в Бельгию. Самая большая

⁴¹ Интересный и информативный видеоряд о лагере бельгийских беженцев в Нюнспете представлен в небольшом по продолжительности фильме «Бельгийский лагерь беженцев в Нюнспете 1914—1919», в котором смонтированные в хронологическом порядке фотографии перемежаются пояснительными текстами и выдержками из документов (см. фильм: *Belgisch vluchtelingenkamp Nunspeet 1914—1919*).

⁴² *Nuunspeets nieuwskrant*, 19.II.1919.

⁴³ *Klaaijestein M.* Op. cit., 32.

⁴⁴ «N.V. Snijgroenkwekerij Gebr. Steensma».

⁴⁵ С 1916 г. вопрос о финансировании лагеря в Гауде неоднократно ставился на обсуждение в нижней палате Генеральных штатов, поскольку затраты на этот лагерь оказались выше, нежели на другие «убежища для беженцев», и следовательно цена контракта фирмы Стеенсма изначально была явно завышена. Поступали даже предложения о сокращении сроков аренды, т.е. закрытии лагеря, и перевода беженцев в Уде и Нюнспет (см. подробнее: *Hermesen H. Vluchtoord Gouda. Rumoer in de Staten-Generaal over opvang van belgische vluchtelingen* — *Tidinge*, 2013, № 1, p. 20—27).

⁴⁶ *Goudsche courant*. Dinsdag 8 Decemder 1914, p. 3.

заполняемость лагеря отмечена в марте 1915 г. — 1962 человек, а на момент его ликвидации в январе 1919 г. в нем оставалось 987 человек⁴⁷.

В подчинении коменданта лагеря находился обслуживающий персонал, включавший медсестер, воспитателей, административных работников и служба поддержания порядка. Строгие правила проживания излагались в уставе, касавшемся всех сторон лагерной жизни⁴⁸. Еда в лагере была скромной, но то же можно сказать и о рационе нидерландцев за его пределами (в 1916 г. в стране ввели продовольственные карточки).

Для поддержания нормального психологического климата в этом огромном коллективе важно было не оставлять людей в праздности. Всеми работами, связанными с реконструкцией помещений лагеря и их уборкой, ремонтом одежды, стиркой, готовкой еды и т.д., занимались сами беженцы. Женщины имели возможность раз в неделю заниматься своими личными делами. Нашли жители лагеря время и для выполнения работ, позволявших заработать небольшие суммы денег: например, для одной из благотворительных организаций, которая продавала товары в Великобритании, бельгийские беженцы в Гауде делали игрушки и плетеные корзины.

Для детей, находившихся в лагере, образование было обязательным: для мальчиков в возрасте с шести до шестнадцати лет, для девочек — от шести до четырнадцати лет⁴⁹. Дети в возрасте от двух с половиной до шести лет посещали так называемую «школу Фрёбеля⁵⁰». Взрослые и подростки могли также обучиться основам каких-то профессий (например, женская половина лагеря охотно посещала курсы шитья и вязания).

Труд в лагере чередовался с активным отдыхом и культурными мероприятиями. Бельгийцы создали музыкальный коллектив, проводили музыкальные и театральные вечера, отмечали национальные праздники, собирались на выступления гимнастической группы. Как и во всех остальных лагерях существовали здесь и различные спортивные площадки⁵¹.

Отношения жителей Гауды к беженцам в целом было хорошее, и в 1915 г., когда некоторые представители местного руководства стали намекать, что присутствие такого количества беженцев и их поведение немного испортило имидж города, несколько сотен человек подписали петицию в защиту лагеря беженцев⁵². Конечно, в последние годы войны, когда местное население, как и все в Нидерландах, испытывало трудности из-за нехватки продуктов и товаров первой необходимости, взгляд на заботу нидерландского государства о бельгийских беженцах стал более критическим, но всё же к большей напряженности между ним и обитателями лагеря это не привело.

Строительство лагеря в провинции Гелдерланд неподалеку от населенного пункта Эде началось в декабре 1914 г. на Эденской пустоши, а уже 1 февраля 1915 г. в деревянных домиках там обосновались первые поселенцы. Здесь были размещены «добропорядочные бельгийцы» (лица категории В). «Убежище для беженцев в Эде», рассчитанное на поселение до 10 тыс. чел., являлось своеобразным лагерем-моделью⁵³. Прежде всего, это проявилось в оригинальной планировке и в использовании современных на

⁴⁷ *Kraaijestein M.* Belgische vluchtelingen in Gouda tijdens de Eerste Wereldoorlog. — Goudsche courant, 7.XI.1998.

⁴⁸ Например, как и во всех лагерях беженцев, в Гауде строго следили за чистотой помещений и личной гигиеной проживающих. Помимо ежедневных гигиенических процедур и стирки, каждый имел возможность раз в неделю посещать баню по специальным «банным» талонам.

⁴⁹ Нидерландское правительство направило все усилия на то, чтобы дети бельгийских беженцев могли учиться в школах различной ступени, открывавшихся и в лагерях для беженцев, и в различных населенных пунктах. По данным на 1917 г. ок. 15 тыс. бельгийских детей учились в 86 начальных и средних школах (*Klaaijestein M.* De grootste vluchtlingenopvang..., p. 33).

⁵⁰ Фридрих Фрёбель (1782—1852) — немецкий педагог, инициатор создания воспитательных заведений для детей дошкольного возраста, которые назвал «детским садом».

⁵¹ *Kraaijestein M.* Belgische vluchtelingen in Gouda...

⁵² *Ibidem.*

⁵³ *Klaaijestein M.* De grootste vluchtlingenopvang..., 32.

тот момент средств благоустройства помещений (например, электрическое освещение и система центрального отопления). Проект «убежища для беженцев» был выполнен капитаном инженерных войск Ф.А. Вайянтон, предложившим построить его по модели римского военного лагеря, функционирующего как большое самостоятельное (и самодостаточное) поселение⁵⁴.

Пересекавшиеся в центре две главные улицы лагеря — Конингин Вильгельминалаан и Корт ван дер Линденлаан⁵⁵ — разделяли территорию лагеря на четыре равных по площади квартала. Три из них, они назывались «деревнями», являлись жилыми. В Лейедорп находились столовые, спальни, большой зал, прачечные, туалеты, кухня, детский сад, родильное отделение, место отдыха, читальный зал, театральный зал. В Маасдорп вместо четырех последних позиций, перечисленных выше в первой «деревне», были детская больница и дома для учителей, а в Схелледорп — ясли и помещение для регистрации актов гражданского состояния (т.е. ЗАГС).

В четвертом квартале лагеря располагались центры социальной значимости и постройки служб жизнеобеспечения: церковь, дом священника, школы, жилье школьных учителей и представителей Красного Креста, жилье для врачей, столовая, продуктовый магазин, магазин одежды, почта, котельная, электростанция, центральное отопление, резервуар для воды, склад угля, прачечная, мастерские, туалеты, помещение охраны, гараж, жилье коменданта.

Порядок на территории лагеря (а неприятные инциденты всё же случались нередко) поддерживали семь нидерландских полицейских, им помогали бельгийские помощники-добровольцы.

События внутренней жизни (большое внимание уделялось различным культурным мероприятиям, а также контактам с городскими властями), освещала выходившая еженедельно по средам газета «Наша жизнь» («Ons leven»)⁵⁶. В «убежище» действовал театральный кружок, бельгийцы собрали оркестр, играли в корфбол, организовали гимнастический кружок, а их футбольная команда участвовала в соревнованиях местных клубов.

Чтобы выйти из лагеря в будний день, беженцам требовался пропуск (это касалось и тех, кто работал за пределами лагеря). В воскресенье можно было выходить свободно, в этот день в лагерь могли прийти и нидерландцы, заплатив 5 центов за вход. Но в целом бельгийцы мало контактировали с местным населением, как и с находившимися в тех краях военными. В основном пересекались они в местных питейных заведениях, но по настоянию бургомистра Эде, во избежание нежелательных инцидентов, эти места находились всегда под контролем.

Наибольшее число бельгийских беженцев — 5340 человек — было зарегистрировано в лагере в Эде в июле 1915 г. Весной 1917 г. в целях экономии средств лагерь решили закрыть. В мае 3 тыс. бельгийцев без особого желания переехали в «убежище» в Нюнспете, условия проживания в котором были хуже. До конца 1918 г. в Эде оставались только 600 бельгийских беженцев (из наиболее состоятельных), проживавших в построенной поодаль от основного лагерного комплекса так называемой «Датской деревне».

Еще одним местом, где появилось государственное «убежище для беженцев», стал Уден в провинции Северный Брабант. Первые поселенцы обосновались в нем в середине февраля 1915 г. Лагерь в Удене создавался для беженцев категории Б и В и строился

⁵⁴ См. подробнее: *Bruggen G. van. De hei is groot genoeg. Belgische vluchttoorden op de Veluwe 1914–1918. Vluchtoord Ede. Barneveld, 2008.*

⁵⁵ Одна улица носила имя королевы Нидерландов Вильгельмины, другая — нидерландского премьер-министра Корта ван дер Линдена.

⁵⁶ В годы войны бельгийские интернированные и беженцы выпускали в Нидерландах 11 периодических изданий (только 2 из них имели франкоязычное название). В каждом издании для расширения читательской аудитории материалы часто публиковали и на фламандском, и на французском языках.

из расчёта на одновременное пребывание в нем ок. 10 тыс. чел.⁵⁷ Согласно поименному списку, через этот лагерь за все годы его существования регистрацию прошли 16155 бельгийцев. Если внимательно посмотреть на указанные в списке даты рождения этих людей, то становится понятно, что беженцы представляли все возрастные группы: от глубоких старцев за 80 лет до родившихся уже в лагере младенцев⁵⁸. Но реально в течение всех лет существования лагеря постоянно находилось в нем от 6 до 7 тыс. чел.⁵⁹

Подробное описание жизни бельгийских беженцев в «убежище» в Удене (а также и различная информация о других трех «убежищах») содержится в небольшой по объему книге (79 страниц) «Очерки об убежище для беженцев в Удене» (см. прим. 59). Луи Браунтс — автор этого важнейшего источника по истории лагеря — проживал там с семьей в течение всей войны⁶⁰.

«Убежище» в Удене менее всего напоминало лагерь для беженцев, по своему устройству оно являлось скорее поселением, жители которого чувствовали себя гражданами обыкновенной деревни, разве что с ярко выраженным «бельгийским характером». Имелись даже определенные элементы структуры местного управления — подобие «ратуши» во главе с комендантом («бургомистром»), который в каждом лагере избирался самими бельгийцами. Но всё же полномочия его были невелики, как не существовало под его началом и «городского совета». Власть находилась полностью в руках представителя правительственного комиссара по делам беженцев Й.П.А. Вилхелма⁶¹, штат сотрудников которого представлял различные государственные службы: медико-санитарную, сестринского ухода, обеспечения питанием и одеждой, занятости, по делам религии, образования, регистрации и др.

Жизнь лагеря протекала по строго установленному распорядку дня и уставу, подписанному Вилхелмом. Этот документ включал 9 пунктов, которым неукоснительно следовали все проживавшие в лагере. Каждый обязан был утром прибыть в столовую на завтрак, остаться в жилых помещениях можно было только по предписанию врача; до 9 часов утра в каждом жилом помещении должны были быть заправлены постели, вычищен пол, что контролировалось старшим по бараку; в проходах к жилым помещениям не должно было быть никаких веревок для сушки белья, ведер с грязной водой, емкостей для стирки, горшков и т.д. Пунктом 4 оговаривались условия пребывания в помещениях, где находилась печь (т.е. в отапливаемых). Те, кому позволялось в них заходить (только по необходимости, и преимущество имели матери с младенцами), обязаны были содержать их в чистоте и по очереди мыть. Пункты устава 5–9 предписывали с 9.30 вечера и до 6.45 утра соблюдать тишину в жилых помещениях и вокруг них, и никто не имел права находиться вне дома; переселяться в другое жилое помещение можно только с письменного разрешения должностного лица; строго запрещалось брать еду из столовой и затем разогревать ее на обогревателе; не разрешалось использовать какие-то бы ни было источники огня внутри жилых помещений и вокруг них; никто не мог покинуть лагерь для того, чтобы поселиться в другом месте страны или же уехать за границу или вернуться в Бельгию без разрешения

⁵⁷ *Klaaijestein M.* Op. cit., p. 32.

⁵⁸ См.: <http://www.vluchtoord-uden.nl/16155.html>

⁵⁹ *Brounts L.* Schetsen uit het Vluchtoord Uden. Leiden, 1918, p. 9, 13.

⁶⁰ В алфавитном списке бельгийцев, проживавших в «убежище» в Удене Луи Мари Юбер Браунтс (Louis Marie Hubert Brounts; вполне возможно, что его фамилия читалась на французский манер — Брунт) записан под номером 1910. На основании регистрационных документов лагеря удалось выяснить следующие факты: Л. Браунтс родился в Маастрихте 8 сентября 1882 г., был католиком, до начала войны жил в Лувене, по профессии учитель. Он был женат на Б.А.М.Э. Гуманс (уроженке Лувена 1892 г.р.), в марте 1914 г. у супругов родилась дочь Мари Жозе, а уже в Удене в ноябре 1915 г. — сын Альберт. Вместе с семьей Браунтс в лагере проживали мать жены М. ван Намме (1852 г.р.) и молодая девушка из Мехелена М. Вервакке (1897 г.р.), вероятно дальняя родственница.

⁶¹ Представительство правительственного комиссара по делам бельгийских беженцев Ш. Рёйс де Беренбрука с июня 1915 г. располагалось в «убежище» в Удене.

руководства лагеря, до отъезда все надлежащие бумаги должны были быть представлены в мэрию данного населенного пункта⁶².

Л. Браунтс приводит интересные сведения о питании жителей лагеря в Удене. Стоимость продуктов в 1915 г. составила 425 130,81 флоринов, в 1916 г.— 657 936,74 (т.е. примерно 35 центов в день на человека). Чтобы накормить находившихся в лагере в декабре 1915 г. бельгийцев (около 5 тыс. человек), было использовано основных продуктов: 1792 гкл картофеля (около 238 933 кг. — *Г. Ш.-М.*), 7404 кг мяса, 18 313 кг овощей, 87 500 кг хлеба и 5913 кг масла. Дети до 4 лет и больные получали каждый день дополнительно тарелку каши, другие, по показаниям врача, молоко и белый хлеб (на это выделялось в сутки приблизительно 1100 л молока и 200 кг белого хлеба)⁶³.

Исходя из приведенных данных, ежедневный рацион рядового жителя лагеря в среднем включал около 800 г картофеля, 47 г мяса (мясо, естественно, было не каждый день, а приблизительно два раза в неделю), 118 г овощей, 564 г хлеба, 38 г масла. Но Л. Браунтс указывал, что в случае необходимости на заработанные баллы (очки)⁶⁴ каждый житель мог купить в магазине лагеря сливочное масло, яйца, мясо и сыр для бутербродов⁶⁵.

Обустройство лагерей для бельгийских беженцев продолжалось в течение всего периода их существования. Новые постройки появлялись на их территории, в том числе, и на деньги, собранные за рубежом. В марте 1915 г., правительство Нидерландов получило из Дании финансовую помощь для нужд бельгийских беженцев в размере 325 тыс. флоринов. Датчане выдвинули условие — деньги должны быть израсходованы так, чтобы они «помогли» бельгийцам и в послевоенное время. Поэтому было решено построить на эти средства в Нидерландах сборные деревянные домики для беженцев. Позже (в разобранном виде) их следовало отправить в Бельгию в качестве временной замены разрушенных во время войны. Для подготовки сборных деревянных конструкций были выделены места в Гауде, Эде и Удене. Сооружением «датских домиков» занимались в основном бельгийцы, как беженцы, так и интернированные военнослужащие, которых отправляли с этой целью в «убежища беженцев», где размещали в отдельных бараках. Все «строители» проходили специальную подготовку по разным видам работ, их труд оплачивался из расчета 2 гульдена в неделю (половина суммы шла на личный накопительный счет)⁶⁶. В итоге, были построены у лагеря в Эде так называемая «Датская деревня» (с 153 домиками, первые из которых начали заселять уже в июле 1915 г.) и «Вилла-Парк» в лагере в Удене (с 154 домиками). Собранные в Гауде 64 домика были размещены в Схевенингене, 27 сформировали в Амстердаме поселок «Алида Якобсдорп» и 38, предназначенных для бельгийских рыбаков, переправлены в Зирикзе.

Различные акции по сбору средств для оказания помощи несчастным бельгийским беженцам проводились во многих странах мира. Значительные суммы и посылки с вещами поступили из Великобритании (от Религиозного Общества Друзей), женские организации в Австралии, Новой Зеландии и Канаде также собирали для них деньги и одежду. На деньги, выделенные Фондом Рокфеллера, во всех четырех

⁶² *Brounts L.* Op. cit., p. 67–68.

⁶³ *Ibid.*, p. 34.

⁶⁴ В лагере была разработана специальная система оплаты труда — начисление баллов (нидерл. *Puntenstelsel*), и были в ходу «свои деньги» — 11 «монет» различного достоинства. В денежном эквиваленте 1 балл соответствовал 2 голландским центам. Самой большой была «монета» номиналом в 2 гульдена (соответственно в сто баллов). В магазинах лагеря этими «деньгами» можно было расплатиться при покупке особо необходимых товаров (например, еды). Заработанные баллы в денежном эквиваленте также можно было перечислить на личный сберегательный счет в банке. В среднем в год беженцам за работу начислялось до 6 млн баллов, т.е. 120 тыс. гульденов (см. *Brounts L.* Op. cit., p. 20–22).

⁶⁵ *Brounts L.* Op. cit., p. 34.

⁶⁶ *Kraaijestein M.* Belgische vluchtelingen...; *Brounts L.* Op. cit., p. 14–15.

«убежищах» были организованы пошивочные мастерские, в которых шили и чинили одежду, как интернированным военным, так и находившимся в лагерях беженцам (швейные машины (ок. 500) и ткани были доставлены из США, откуда прибыл и обучающий персонал). На поступающие из-за рубежа денежные средства Центральная комиссия, на которую была возложена ответственность за надлежащее использование всех видов гуманитарной помощи беженцам, организовывала, например, различные курсы обучения новым профессиям, требовавшимся для жизнеобеспечения лагерей, формировала в них библиотеки и кружки, закупала учебные пособия для школ, спортивный инвентарь и т.д.⁶⁷

И хотя очевидно, что проявление сострадания, участия и милосердия голландцев по отношению к несчастным бельгийцам к концу войны всё же заметно уменьшалось, финансовые затраты нидерландского правительства на содержание интернированных и беженцев возрастали.

На 1 июля 1915 г. расходы Нидерландов на содержание бельгийских беженцев составили 7,5 млн флоринов. Большая часть этой суммы была вложена в строительство и обустройство «убежищ для беженцев». По официальному заявлению нидерландских властей, на 1 июля 1917 г. на содержание всех «убежищ для беженцев» и помощь беженцам, не находившимся в лагерях, включая и расходы на одежду и обувь, школьное обучение и профобучение (курсы шитья и вязания), строительство сборных домиков, поддержку семей интернированных военных, транспортные расходы по перевозке беженцев, в общей сложности из казны выделили 20 млн 600 тыс. флоринов. А к концу войны нидерландское правительство израсходовало на пребывавших в стране бельгийцев ок. 42 млн флоринов⁶⁸.

После подписания перемирия 11 ноября 1918 г. и фактического окончания боевых действий Нидерланды с декабря того же года приступили к освобождению интернированных лиц и оказанию им содействия в возвращении на место прежнего жительства. С конца ноября уже велась и подготовка к закрытию «убежищ для беженцев» и репатриации бельгийских беженцев. К началу весны 1919 г. лагеря в Нюнспете, Гауде, Удене, а также остававшаяся в Эде «Датская деревня» прекратили существование, большую часть их построек разобрали. По итоговым данным Центральной комиссии в четырех нидерландских «убежищах» пережили войну ок. 20 тыс. бельгийцев⁶⁹. В январе—феврале 1919 г. они со всем своим нехитрым скарбом на специальных поездах за счет нидерландского правительства покидали территорию приютившей их страны. Различными видами транспорта отправляли из Нидерландов в Бельгию и конструкции сборных «датских домиков». С учетом всех этих последних расходов итоговая сумма затрат Нидерландов в годы войны на бельгийских беженцев составила 45 млн гульденов⁷⁰.

Трагическая страница в жизни интернированных военнослужащих и бельгийских беженцев была перевернута. Нельзя отрицать, что для большинства из них пребывание в лагере, пусть даже и неплохо обустроенном, но где люди, вынужденные следовать строгому распорядку, оставались без своих прежних привычных вещей и бок о бок с чужими людьми в одном помещении, стало достаточно тяжелым моральным и физическим испытанием. Но голландское гостеприимство позволило тысячам людей обрести крышу над головой, получать питание, медицинские услуги, а главное — сохранить жизнь. И в исторической памяти бельгийцев сохраняется благодарность нидерландскому народу за помощь в годы Первой мировой войны. Об этом свидетельствуют и существующие на территории Нидерландов памятники, известные в стране как «Бельгийские монументы». Например, Бельгийский мемориал Первой мировой войны в Амерсфорте (считается самым большим по размерам памятником

⁶⁷ См.: *Brounts L.* Op. cit., p. 42–44, 59–61; *Heuvel-Strasser E.A. van den.* Op. cit., p. 202.

⁶⁸ *Brounts L.* Op. cit., p. 71; *Heuvel-Strasser E.A. van den.* Op. cit., p. 202–203.

⁶⁹ *Klaaijestein M.* De grootste vluchtelingenopvang..., p. 32.

⁷⁰ *Getuigenissen van «de andere oorlog»...*, p. 118.

в Нидерландах), построенный в 1917 г. в знак благодарности нидерландцам от интернированных военнослужащих. Также в Эде в 1984 г. на участке пустоши, где ранее пересекались две главные улицы «убежища для беженцев», был поставлен монумент высотой в 2,5 м: на остатках старого фундамента один на один установлены два валуна, на верхнем — табличка с надписью: «Бельгийский лагерь беженцев «Убежище для беженцев в Эде 1914—1918». Эти камни в Эде напоминают нам о прошлом»⁷¹.

Следует подчеркнуть, что Нидерланды никогда не поднимали вопрос о компенсации Бельгией расходов, выделенных на помощь беженцам. В то же время на основе Гаагских конвенций Бельгия (как и другие страны) обязана была возместить Нидерландам расходы на содержание интернированных военных⁷². Нидерланды выставили счет на 53 млн гульденов, что, безусловно, являлось для разрушенной Бельгии значительной суммой, но Гаага была открыта для переговоров. Однако развитие нидерландско-бельгийских отношений в 1919 г. пошло по негативному сценарию⁷³. Только в декабре 1937 г. Нидерланды получили от Бельгии полное возмещение расходов на интернированных военных (с учетом процентов сумма составила в итоге 60 млн гульденов⁷⁴), но так и не услышали от бельгийского правительства слов благодарности за прием и размещение сотен тысяч беженцев.

Только после Первой мировой войны в Лиге Наций впервые на международном уровне был поставлен вопрос о беженцах в будущих конфликтах, их статусе и правах. Но в том, что сегодня термин «беженец» с точки зрения международного права стал более конкретен, а государственным органам всех цивилизованных стран вменяется в обязанность помогать беженцам и избавлять их от дополнительных страданий, Нидерланды в 1914—1918 гг. сыграли важную роль. Принимая беженцев, размещая интернированных военнослужащих, обустривая в течение долгих лет войны их быт, нейтральные Нидерланды не только руководствовались положениями Гаагских конвенций, они разрабатывали и применяли на практике новые подходы к разрешению гуманитарных проблем. Масштабы помощи, оказанной нидерландским государством, были весьма значительны. В период войны нидерландское правительство на законодательном уровне разработало систему мероприятий по организации учета и размещения, питания, проживания и реэвакуации на родину десятков тысяч иностранных граждан. Как предстает, истинная оценка гуманитарной составляющей действий нейтральных Нидерландов в годы Первой мировой войны еще впереди, однако несомненно, что в их основе во многом были положения Гаагских конвенций 1907 г., сыгравших важнейшую роль в дальнейшем развитии комплекса норм международного гуманитарного права.

⁷¹ «Belgisch Vluchtelingenkamp V.O.E. (Vluchtoord Ede. — *Г. III.-М.*) 1914—1918. Deze zwerfsteen in Ede doet ons denken aan het verleden».

⁷² Долг Англии был выплачен к концу 1920 г. Германия в 1922 г. погасила его частично, окончательный расчет был произведен чуть позже (См.: *Klinkert W.* Internering van vreemde militairen in Nederland gedurende de Eerste Wereldoorlog. — *Mars in Cathedra*, № 71 (1987), p. 2461—2462).

⁷³ Бельгия, обвинив Нидерланды в нарушении нейтралитета во время войны, потребовала пересмотреть некоторые положения Лондонского договора 1839 г., выдвинула территориальные претензии (вернуть ей нидерландские области Лимбург и Зеувс-Вландерен) и отказалась платить. Претензии Нидерланды отвергли, а на выплате долга настаивали. Урегулирование вопросов, возникших в двусторонних отношениях, продолжалось до конца 1937 г. (см. *Vanlangenhove F.* L'élaboration de la politique étrangère de la Belgique entre les deux guerres mondiales. Bruxelles, 1980, p. 72—77).

⁷⁴ *Getuigenissen van «de andere oorlog»...*, p. 318.